

Замѣтки о Пушкинѣ ¹⁾.

V.

Водевильные куплеты Пушкина.

И. А. Шляпкинъ въ своей книгѣ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ (Спб. 1903 г.) напечаталъ (стр. 67) найденную имъ въ бумагахъ П. В. Анненкова, извѣстнаго редактора перваго комментированнаго изданія произведеній Пушкина, копию стиховъ, сохранившуюся въ рукописи, которая, по словамъ г. Шляпкина (стр. 63), „видимо, представляла черновую для особаго изданія дополненій къ сочиненіямъ Пушкина“. Вотъ эти стихи:

Будь подобенъ полной чашѣ
Молодыхъ щастливый домъ,
Непонятно счастье ваше,
Но молчите жъ обо всемъ.

Что за диво, что за каша
Для разсудка моего—
Чортъ возьми!—но воля ваша
Не скажу я ничего.

То-то праздникъ мнѣ, да Машѣ,
Другу сердца моего,
Никогда про счастье наше
Мы не скажемъ ничего.

Стойте—тотчасъ угадаю
Горе сердца твоего,
Понимаю, понимаю,
Не болтай же ничего!

Строгий судъ и слово ваше
Цѣнимъ болѣе всего,
Вы-ль одни про счастье наше
Не сказали ничего?

¹⁾ См. «Русск. Стар.», 1907 г. декабрь, 1908 г. январь.

Анненковъ написалъ на копіи: „не надо“, и приведенныхъ стиховъ въ его изданіи нѣтъ. Какъ извѣстно, Анненковъ внесъ въ свою издательскую работу принципъ эстетическаго „усмотрѣнія“ и исключилъ изъ своего собранія немало произведеній Пушкина, которыя, по мнѣнію Анненкова, „являются паразитами на свѣтломъ фонѣ его поэзіи“. Впервые напечатавшій процитированные куплеты г. Шляпкинъ замѣтилъ: „стихи эти, напоминающіе конецъ водевилей 30-хъ годовъ, по нашему мнѣнію, едва-ли принадлежатъ Пушкину“. Разбирая книгу г. Шляпкина, В. Е. Якушкинъ ¹⁾ нашелъ, что ихъ „невозможно приписать Пушкину“. П. А. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ своему послѣднему изданію сочиненій Пушкина ²⁾ рѣшительно отвергъ эти стихи какъ „вовсе не принадлежащіе Пушкину куплеты изъ какого-то водевиля“. П. О. Морозовъ въ своемъ новомъ изданіи о нихъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Пушкинскій *подлинникъ* куплетовъ найденъ въ поступившей недавно въ бібліотеку Академіи Наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина. По словамъ „описанія“ ³⁾ коллекціи, это — „*черновикъ*“. Такъ какъ майковская коллекція, по странному распоряженію бывшей обладательницы рукописей, доступна только редактору академическаго изданія, то намъ не удалось видѣть подлинникъ, и мы не можемъ судить, насколько вѣрно списана анненковская копія. Во всякомъ случаѣ, показаніе „описанія“, что автографъ представляетъ собою черновикъ, наводитъ на мысль объ авторствѣ Пушкина, который едва-ли сталъ бы исправлять чужіе стихи, если бы записывалъ ихъ. Не все записанное поэтомъ имъ создано, и въ пушкинскихъ бумагахъ встрѣчаются иногда стихи другихъ поэтовъ ⁴⁾, но въ данномъ случаѣ, помимо формы подлинника, указывающей на авторскую работу, имѣется еще одинъ доводъ, позволяющій съ нѣкоторымъ основаніемъ приписывать Пушкину эти слабые куплеты.

Вполнѣ справедливо г.г. Шляпкинъ и Ефремовъ увидѣли въ нихъ нѣчто водевильное... 6 іюня 1826 г. П. А. Катенинъ писалъ Пушкину ⁵⁾: „у меня къ тебѣ новая просьба. Для бенефиса, слѣдующаго мнѣ за „Андромаху“, нужна была маленькая комедія въ заключеніе спектакля; я выбралъ „Minuit“, и нѣкто мой пріятель

¹⁾ „Русск. Вѣдомости“ 1903 г., № 72, „Новыя изданія текстовъ Пушкина“.

²⁾ Т. VIII, 1905 г., стр. 312.

³⁾ „Пушкинъ и его современники“, вып. IV, Спб., 1906, стр. 20.

⁴⁾ См. слѣдующую замѣтку.

⁵⁾ Переписка Пушкина, изд. Акад. Наукъ, ред. В. И. Саятова, I, 355.

Николай Ивановичъ Бахтинъ ¹⁾ взялся мнѣ ее перевести; но вотъ горе: тамъ есть *романсъ, или куплеты*, и въ родѣ необыкновенномъ. „Молодой Floridor“ (по-русски Владиміръ) случайно запертъ въ комнатѣ своей кухни, молодой вдовы, ночью на новый годъ и не теряетъ времени съ нею; пока они разнѣживаются, подъ окномъ дается серенада, въ концѣ второго куплета бьетъ полночь, l'heure du berger; старики входятъ, застаютъ молодыхъ, и остается только послать за попомъ, ибо все прочее готово. Французскіе куплеты дурны, но я прошу тебя мнѣ сдѣлать и подарить хорошіе. Ты видишь по ходу сцены, что они должны означать, а на все сладострастное ты собаку съѣлъ: сдѣлай дружбу, не откажи. Музыку сдѣлаемъ прекрасную; Кавось общалъ мнѣ давно, что онъ всегда готовъ къ моимъ услугамъ. Пожалуйста, умница, не откажи; тебѣ же это дѣло легкое“...

Съ подобными просьбами Катенинъ не разъ обращался къ Пушкину. Въ 1835 г. онъ просилъ Пушкина написать для него кантату „Сафо“, потомъ поручалъ ему добыть прозаическій переводъ двухъ стихотвореній Сафо ²⁾. Пушкинъ, вѣроятно, исполнилъ просьбу друга: въ его бумагахъ нашелся прозаическій переводъ указанныхъ Катенинымъ стихотвореній ³⁾, сдѣланный, должно-быть, съ чьей-нибудь чужою помощью, такъ какъ по-гречески Пушкинъ не зналъ ⁴⁾. И въ интересующемъ насъ случаѣ весьма возможно, что Пушкинъ не устоялъ противъ просьбы друга и дѣйствительно написалъ или, по крайней мѣрѣ, пробовалъ набросать для него водевильные куплеты. По содержанію они довольно близко подходятъ къ заданной Катенинымъ темѣ. Катенинскій водевиль кончается обрученіемъ; объ обрученіи говорится и въ куплетахъ. Стихи слабы, но можно думать, что Пушкинъ нарочно далъ имъ такую форму, поддѣлываясь подъ тонъ тогдашнихъ водевилей съ пѣніемъ; можетъ быть, они у него,

¹⁾ О Н. И. Бахтинѣ (род. 3 января 1796 г.—† 26 марта 1864 г.) см. „Русск. Биографическій Словарь“; „Новь“ 1885 г., т. III, стр. 94. Въ 1833 г. Бахтинъ издалъ сочиненія Катенина, которымъ предпослалъ предисловіе, показавшее Пушкину „весьма замѣчательнымъ“ (Сочиненія П., изд. „Просвѣщенія“, ред. П. О. Морозова, VI, 80, 606—608).

²⁾ Письма Катенина къ Пушкину 16 мая, 1 июня и 7 іюля 1835 г.—„Бумага А. С. Пушкина“, I, М., 1881 г., стр. 69, 70 и 71.

³⁾ Румянцевскій муз., тетр. № 2386—3, л. 1—см. „Русск. Стар.“ 1884 г., декабрь, 539; А. И. Незеленовъ, „Шесть статей о Пушкинѣ“, Спб., 1892 г., стр. 82—83; Сочиненія П., изд. „Просвѣщенія“, ред. П. О. Морозова, VI, 435—436, 655.

⁴⁾ См. письма Пушкина къ Н. И. Гнѣдичу 21 сентября 1821 года и 6 января 1830 г.

что называется, не вытанцовались. Необходимо признать, что принадлежность этихъ стиховъ Пушкину болѣе чѣмъ вѣроятна. Весьма интересно было бы розыскать самый водевиль „Minuit“, переведенный Бахтинымъ. Если бы въ немъ, однако, не оказалось этихъ куплетовъ, то это все-таки не поколебало бы вѣроятности авторства Пушкина, который могъ, начавши работу, не докончить ее (куплеты, повидимому, совсѣмъ не отдѣланы) и не послать этой бездѣлки Катенину.

VI.

Стихи Жуковского, приписанные Пушкину.

Въ хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ черновой тетради Пушкина № 2364 записаны (на оборотной сторонѣ 75-го листа) стихи:

О, если бь могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Въ душѣ, не снесшей оскорбленья...

Стихи эти В. Е. Якушкинъ „опубликовалъ“ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ ¹⁾.

Во II томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина г. Якушкинъ привелъ эти три стиха ²⁾ уже съ такою ремаркой:

„На листѣ 75 об. встрѣчаемся со слѣдующей поэтической замѣткой... Такъ, черновая тетрадь отражаетъ намъ (?) противоположныя настроенія, владѣвшія поэтомъ“.

Увы! *Намъ* эти стихи „отражаютъ“ совсѣмъ не то, что г. Якушкину, потому что написалъ ихъ не Пушкинъ, который ихъ только записалъ, а Жуковский. Они взяты изъ посланія Жуковского къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину, 1814 г. ³⁾. Академическое изданіе Пушкина отъ нихъ выиграло въ своей полнотѣ и точности немного.

---

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1884 г., мартъ, 660.

²⁾ Стр. XIX; примѣч., 173.

³⁾ См. сочиненія В. А. Жуковского, изд. 10-е, Спб., 1901 г., стр. 110.

VII.

Приписываемая Пушкину эпиграмма.

Во многихъ рукописныхъ сборникахъ попадаетъ приписываемая Пушкину эпиграмма:

Садовникъ десять лѣтъ трудился—
 Пыхтѣлъ, копался, клалъ навозъ,
 Но плодъ желанный не явился,
 Пока не прохватилъ морозъ.

Соль эпиграммы въ томъ, что подъ „садовникомъ“ разумѣется московскій обыватель одинъ, за женою котораго ухаживалъ съ успѣхомъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, Д. М. Морозъ, впослѣдствіи сенаторъ московскихъ департаментовъ сената. Эпиграмма довольно остроумна, но, конечно, не Пушкина: въ ней нѣтъ блеска и изящества пушкинскаго стиха. Имя сенатора Д. М. Мороза сохранилось въ исторіи дѣловыхъ отношеній Пушкина ¹⁾. Вѣроятно, о приведенной нами эпиграммѣ говорилъ М. М. Поповъ въ извѣстной статьѣ „А. С. Пушкинъ“, сообщая о приписываемой Пушкину эпиграммѣ на Мороза ²⁾. Надо думать, что о ней же говорить и князь П. А. Вяземскій, въ записной книжкѣ котораго ³⁾ сохранилось такое замѣчаніе: „Морозъ (нынѣ сенаторъ) былъ въ старину при князѣ Лопухинѣ и при княгинѣ. Ростопчинъ говорилъ, что ей всегда холодно, потому что Морозъ деретъ ей по кожѣ. О Морозѣ есть стихи Неѣлова“. Въ сборникѣ, изъ котораго мы черпнули эпиграмму и относящіяся къ ней объясненія, Пушкину, какъ часто бываетъ, приписали чужіе стихи.

Сергѣй Алексѣевичъ Неѣловъ (1779—1852), рассказываетъ Вяземскій ⁴⁾, былъ „основатель стихотворческой школы, послѣдователями коей были Мятлевъ и Соболевскій. Въ теченіе едва-ли не полувѣка малѣйшее житейское событіе въ Москвѣ имѣло въ немъ присяжнаго пѣснопѣвца. Въ обществѣ, въ англійскомъ клубѣ, на балахъ онъ по горячимъ слѣдамъ импровизировалъ свои четверостишія. Жаль, что многія, лучшія изъ нихъ не укладываются въ печатный станокъ“... Пушкину нравились шутки Неѣлова; онъ од-

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1889 г., январь, 138—140; „Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ“, Спб., 1906 г., 150.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1874 г., августъ, 685.

³⁾ Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, IX, 201.

⁴⁾ Соч. Вяземскаго, VIII, 158—159.

нажды писалъ Вяземскому 1); „Стихи Неѣлова прелесть, недаромъ я назвалъ его нѣкогда le chante de la merde! (Это между нами и потомствомъ буди сказано)“. Смѣявшійся надъ „желаннымъ плодомъ“ ближняго Неѣловъ, женатый два раза, самъ дѣтей не имѣлъ, и это тоже подало ему поводъ къ шуткѣ 2):

Дай, судьба, ты мнѣ ребенка,
Тѣмъ утѣшь ты жребій мой:
Хоть щенка, хоть жеребенка,
Лишь бы былъ мнѣ сынъ родной.

VIII.

Эпиграмма на князя А. Н. Голицына.

Пушкину приписывается относящаяся къ 1826 г. и печатающаяся въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ 3) эпиграмма на кн. А. Н. Голицына:

„Онъ добрый малый, братъ сестрицынъ:
„Онъ не былъ золъ ни для кого“...
Скажите правду, князь Голицынъ:
Ужъ не повѣсить ли его?

Весьма сомнительна принадлежность ея Пушкину. Едва-ли поэтъ, заключивъ въ 1826 г. компромиссъ съ правительствомъ, набросалъ хоть одну изъ приписываемыхъ ему эпиграммъ, вызванныхъ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича; лира его тогда уже не звучала прежнимъ „свободолюбіемъ“. „Намъ кажется, едва-ли тутъ можно узнать Пушкина“, справедливо замѣтилъ П. А. Ефремовъ, который тутъ же прибавилъ: „даже понять ее очень затруднительно“ 4). Между тѣмъ соль этого довольно остраго укола вовсе нетрудно выяснить. Г. С. Чириковъ въ своихъ „Замѣткахъ на новое изданіе сочиненій Пушкина“ увидѣлъ въ эпиграммѣ „намекъ, можетъ быть, на образъ дѣйствій князя Голицына въ верховномъ уголовномъ судѣ 1826 г.“ 5).

1) Переписка Пушкина, ред. В. И. Саятова, I, 218.—О Неѣловѣ см. „Остафьевскій архивъ“, II, 498—499; „Русск. Арх.“ 1868 г., 618—619; В. Л. Модзалевскій, „Н. И. Лобачевскій, письма его къ И. Е. Великопольскому“, Казань, 1902 г., 9.

2) Соч. Вяземскаго, VIII, 361.

3) Изданіе Русскаго (Н. В. Гербеля), Берлинъ, 1861 г., стр. 99.

4) Сочин. Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 123.

5) Бумаги А. С. Пушкина, вып. I, М., 1881 г., стр. 91.

Состоя членомъ слѣдственной комиссіи, разсматривавшей дѣло о возмущеніи 14 декабря 1825 г., кн. А. Н. Голицынъ, типичный іезуитъ и прирожденный слѣдователь-сыщикъ, не въ примѣръ другимъ судьямъ, умѣлъ дѣйствовать на обвиняемыхъ мягкостью и ласковостью обращенія. Это была та мягкость, о которой говорить пословица: „мягко постлано, да жестко спать“. Многіе поддались на эту удочку. Декабристъ М. А. Фонвизинъ ¹⁾ вспоминалъ, что „пристойнѣе всѣхъ вели себя кн. Голицынъ и генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, у которыхъ вырывалось сердечное участіе къ узникамъ“. (Бенкендорфъ былъ вскорѣ сдѣланъ шефомъ жандармовъ). Другой декабристъ—князь С. П. Трубецкой ²⁾ рассказываетъ объ этой „добротѣ“ Голицына. Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи Голицынъ завелъ частный разговоръ съ Трубецкимъ и Рылѣвымъ „въ такомъ тонѣ, какъ будто бы мы были въ гостиной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой, такъ что, вопреки всѣмъ дотошъ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что, вѣроятно, князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится; что релігіозный человекъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными на смерть. Разговоръ же князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣва, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ, если бы попытка наша удалась... Разсуждалъ о лучшемъ, по его мнѣнію, составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція, и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ—словомъ, онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о неизяснимомъ для меня поведеніи Голицына и старался объяснить его себѣ“.

13 іюля были повѣшены пять декабристовъ, въ томъ числѣ Рылѣвъ. Поведеніе „мягкосердечнаго“ Голицына нашло достойную оцѣнку въ приведенной эпиграммѣ, которую, несмотря на ея остроуміе и сарказмъ, нѣтъ основаній приписывать Пушкину.

¹⁾ Цитир. по книгѣ Б. Б. Глинскаго „Борьба за конституцію“, Спб., 1908, стр. 278.

²⁾ Записки кн. С. П. Трубецкого, Спб., 1907, стр. 69.

IX.

Дата стиховъ о греческомъ возстаніи.

Къ 1823 г. П. В. Анненковъ отнесъ впервые напечатанную имъ ¹⁾ пьесу Пушкина: „Возстань, о Греція, возстань“ ..., глубоко проникнутую страстнымъ сочувствіемъ борющемуся за свое освобожденіе народу. Приводить этихъ стиховъ не будемъ, такъ какъ они достаточно общеизвѣстны. Анненковская дата, по нашему убѣжденію, не можетъ быть принята. Не говоря уже о томъ, что въ этихъ стихахъ говорится о началѣ греческаго возстанія, вспыхнушаго въ 1821 г., есть еще другія вѣскія основанія относить ихъ именно къ 1821 г.

Дѣло въ томъ, что въ 1823 г. Пушкинъ совершенно измѣнилъ своему прежнему энтузіастическому отношенію къ грекамъ и греческому движенію. Въ 1821 г. Пушкинъ говорилъ о греческомъ возстаніи съ сочувствіемъ и восторженно писалъ о „прекрасномъ и блистательномъ шагѣ“ „счастливица Ипсиланти“ ²⁾. Поэтъ велъ, было, журналъ греческаго возстанія и записалъ въ своемъ дневникѣ 2 апрѣля 1821 г., что въ одномъ кишиневскомъ обществѣ, гдѣ говорили объ Ипсиланти, онъ „между пятью греками одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2,500,000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла“. Въ душѣ поэта еще были живы „вольнлюбивыя надежды“—„въ тѣ дни, какъ на берега Дуная великодушный грекъ свободу вызывалъ“. Въ 1823 г. революціонныя движенія уже не возбуждали въ Пушкинѣ, на глазахъ котораго происходило крушеніе революціи въ Германіи, Австріи, Испаніи, Неаполѣ ³⁾, прежняго пламеннаго сочувствія, и онъ скептически писалъ:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичь.

¹⁾ Сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. VII, стр. 87—88.

²⁾ Переписка Пушкина, изд. акад. наукъ, I, 25, 26.

³⁾ См. стихи Пушкина 1823 г.: „Недвижный стражъ дремалъ“...

Въ 1824 г. Пушкинъ писалъ о „полнѣйшемъ ничтожествѣ“ видѣнныхъ имъ въ Одессѣ и Кишиневѣ „современныхъ Леонидовъ“, лишенныхъ энтузіазма, не имѣющихъ понятія о чести. Правда, онъ говорилъ, что „очень интересуется греческимъ дѣломъ“,—но прежняго восторга, которымъ дышуть его отзывы о грекахъ 1821 г., уже не слышно, и ему даже приходилось защищаться противъ чьихъ-то упрековъ во враждѣ къ освобождающейся Греціи и въ симпатіи къ турецкому игу ¹⁾. Тогда же онъ писалъ Вяземскому: „о судьбѣ грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи негровъ; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей,—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ, а мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законно-рожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Приѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился“ ²⁾.

Очевидно, пылкій призывъ къ возстанію не могъ сорваться съ пера Пушкина въ концѣ его пребыванія на югѣ, когда онъ былъ уже подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ чувствъ и думъ. Другое дѣло—1821 г., къ которому поэтъ самъ относилъ свой „последній либеральный бредъ“ ³⁾. И по настроенію, и по мыслямъ стихи: „Возстань, о Греція, возстань“... вполне гармонируютъ съ отношеніемъ Пушкина къ греческому движенію 1821 г. и, разумѣется, только въ 1821 г. и могли быть написаны.

Н. Лернеръ.

¹⁾ Переписка Пушкина, I, 111—113.

²⁾ Тамъ же, стр. 115—119.

³⁾ Тамъ же, стр. 91.